

Виктория Бахарева

КАК СОБРАТЬ СЕБЯ ПО ОСКОЛКАМ

Виктория Бахарева

Как собрать себя по осколкам

«Автор»

2026

Бахарева В.

Как собрать себя по осколкам / В. Бахарева — «Автор», 2026

Мне было девятнадцать, я училась на педагога в Челябинске и готовилась к свадьбе, когда мой мир рухнул. Мой Андрей ушел защищать страну, обещая вернуться до Нового года, но война распорядилась иначе. Эта книга — дневник выживания среди оглушающей тишины, чужих обвинений и бюрократических войн со свекровью. Для нас с Андреем спасением всегда был мотоцикл. Когда его не стало, гараж стал склепом, а запах бензина вызывал панику. Но именно там, снова оседлав байк вопреки всем его запретам, я начала возвращаться к себе. Я пишу это для каждой девушки, потерявшей своего самого близкого человека. Жизнь после "двухсотого" существует. Память о любви становится не якорем на дне, а крыльями. Мы обязаны научиться летать снова — ради них

© Бахарева В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Как собрать себя по осколкам

Пролог

АНДРЕЙ

У нас неделю нет связи. Глушат всё наглухо, рация только шипит и плюётся помехами. Завтра Новый год. Нужно как-то поздравить Вику, придумать слова, чтобы она не сошла с ума от этой тишины, но я не могу. Голова пустая.

Мы сидим в блиндаже на окраине лесополки и не можем выйти. Земля здесь перемешана со сталью и кровью. Всё охвачено стрельбой — работает арта, небо светится красным трассе-рами.

Вчера было мясо. Мы пытались вытащить «трёхсотых» из соседней ямы. Я еле успел выдернуть Моряка — он запутался ногами в корнях, а укропы лупили прямо по брустверу. Тащил его волоком за разгрузку. У него осколочное в пах, страшное, рваное. Я перемотал, как умел, туго, до посинения кожи. Кровь остановил. Сейчас он лежит в углу, скрипит зубами, ждёт эвакуацию.

Я выходил на связь через штабную станцию. Передал Сане: пусть скажет дома, что еду. Пусть готовят борщ. Страшно. Реально страшно смотреть смерти в глаза. Не так, как когда на мотике кувыркком летел в овраг — там адреналин, азарт. Здесь другое. Липкий, холодный пот между лопаток. И этот запах... смесь сырой земли, взрывчатки и дерьма.

Я не убивал людей. До сих пор — нет. Попадал рядом, прижимал огнём к земле, видел падающие фигуры, но нажать на спуск осознанно, глядя в лицо... не могу. Да, враг. Но у него тоже семья где-то под Харьковом или Одессой. Мать, наверное, плачет. Дети ждут. Он чей-то сын. А жизнь... я её не давал, чтобы вот так забирать. Лучше реально дома сидеть, гвозди забивать. Меня Вика ждёт. Тею надо выгуливать, она же шкаф на ножках, ей простор нужен. Я обязан вернуться. Обязан.

Сегодня утихло. Относительно. Небо серое, сыплет мокрый снег с дождём. Сидим вчетвером: я, Моряк (он хоть бледный, но живой), Паук и Фикс. В прошлом доме, том самом, откуда мы утром перебежали сюда, остались вещи. Надо сходить. Там еда осталась — тушняк, галеты. Боеприпасы россыпью на столе валялись. Одежда сухая.

— Сегодня вечером выдвинемся, — говорю я, проверяя магазины. — Ближе к вечеру, когда сумерки упадут.

Захожу в комнату, где сидят наши перед выходом. Дышать тяжело. — Вы что, бухие, что ли? — спрашиваю, чувствуя тяжёлый дух дешёвого спирта. Фикс поднимает мутные глаза, скалится: — Ну да. Надо отметить, такое пережили, мужики. Чего ты как неродной? — Вы что, совсем мозги отбило?! Нам за сумками идти! Какое отмечать?! — Да ладно, Андрюх, там чисто, — машет рукой Паук. — Пошли нормально, пока тихо.

Идти двести метров открытого пространства. Но они уже пьяные, им море по колено. Спорить бесполезно — вытолкнут взащей. Выходим. Снег сразу залепляет лицо. Под ногами чавкает грязь. Добегаем до того дома — старая сельская хата, стены побиты осколками, окна выбиты.

Вправду чисто. Ни души. Зашли внутрь. Пахнет гарью и пылью. Я наклоняюсь над столом в большой комнате, беру тяжёлую сумку с консервами. Рука привычно ищет ремень автомата на плече. Пустой. Мы оставили оружие прислонённым к стене у входа, бронежилеты скинули — тяжело таскать лишнее, если просто идёшь за жратвой. Большая ошибка.

Слышу выстрел из соседней комнаты. Короткий, глухой хлопок. Потом ещё один. Понимаю всё мгновенно. Нас развели. Пока мы бежали по улице, кто-то сидел внутри, ждал именно этого момента — расслабленных тел без брони.

Инстинкт срабатывает быстрее мозга. Через окно. Только через окно. Я разворачиваюсь, плечом вышибаю остатки стекла вместе с рамой. Перекидываю тело наружу, падаю лицом в ледяную грязную кашу. Успеваю сделать перекат.

И чувствую удар....

Глава 1

Вика

Свет пробивается сквозь веки не лучом — он густой, медовый, плотный, давит на глазные яблоки изнутри. Я с трудом разлепляю ресницы, но мир не обретает чёткости. Это улица, которой нет места в реальности: вокруг до горизонта тянется гладко подстриженный газон цвета радиоактивной зелени. Пусто. Ни птиц, ни ветра.

Я понимаю, что сижу, хотя опоры под собой не чувствую — то ли это скамейка из тёплого дерева, то ли садовая качель, убаюкивающая мерным скрипом, которого здесь быть не может. Воздух дрожит от зноя. Смотреть вдаль невозможно, свет выжигает сетчатку, превращая горизонт в белое полотно.

Поворачиваю голову медленно, словно шею залили гипсом. На другом конце этой несуществующей скамьи сидит Андрей. — Что ты тут делаешь? — вырывается у меня, и голос звучит глухо, будто я говорю через слой воды. Я узнаю его по тому, как он щуриться на солнце. Внутри поднимается липкий, иррациональный шок. Он ничего не объясняет. Просто подается вперёд, преодолевая ничтожное расстояние между нами, и запечатывает рот жёстким, отчаянным поцелуем. Сухие, горячие губы. А в следующую секунду его тело теряет плотность. Он резко встаёт и уходит прочь по траве, которая даже не проминается под его ногами.

Рефлекс бьёт по нервам. Я пытаюсь вскочить, броситься следом, закричать, но моё тело весит тонну. Ноги вросли в невидимую смолу, руки отказываются повиноваться. Из горла рвётся крик: — Андрей! Ты куда?! И происходит невозможная для кошмара вещь: он остаётся. Не оборачиваясь, лишь слегка повернув профиль к солнцу, он отвечает ровным голосом: — Мне нужно идти. — Ты ещё придёшь?! — кричу я, продолжая безнадёжную борьбу со сном, пытаюсь выдрать себя из этой вязкой пустоты. Он делает шаг дальше в слепящий свет, и его ответ растворяется в мареве прежде, чем долетает до меня: — Я не приду больше... И я остаюсь одна посреди бесконечного зелёного океана, задыхаясь от нехватки воздуха.

Сердце колотится где-то в горле, во рту — привкус мела и паники. Пошарив рукой по тумбочке, хватаю телефон. Экран вспыхивает: «Сообщение от Андрея». Открываю чат дрожащим пальцем. «Вик, ты где пропала, блин?». Боже. Я просто уснула над тетрадками первокурсников. Третий час ночи, глаза слипались, и я прилегла на полчаса прямо за кухонным столом. Я сажусь на холодный кафель, прижимая ледяной корпус телефона к влажной от пота футболке. Кожа покрывается мурашками, зубы начинают выбивать дробь от холода, но этот физический дискомфорт — единственное, что доказывает мне: я всё ещё существую. Я дышу. Кошмар остался там, внутри черепной коробки.

Он просто перебрался в наш город по просьбе друзей — подработать пару месяцев и сменить обстановку. Тихий временщик с одной спортивной сумкой.

А потом оказалось, что этот тихоня — адреналиновый маньяк, которому было тесно между панельных девятиэтажек. И однажды кто-то из наших притащил его за гаражи посмотреть на мотоцикл. Это был старый, дымящий синим дымом питбайк нашего общего друга Макса. Андрей тогда молча обошёл его кругом, зачем-то пнул заднее колесо, проверяя давление ногой, и спросил только одно: «Дашь прохватить?». Макс фыркнул, кинул ему шлем-арбуз, и уже через пять минут мой будущий муж летел по разбитой грунтовке, вставая на заднее колесо так легко, словно делал это с рождения. Земля летела комьями, двигатель орал на предельных оборотах, а Андрей смеялся тем самым смехом, от которого у меня внутри всё перевернулось. Смехом абсолютно свободного человека.

А потом в нашей жизни появилось эндуро. Оно стало нашим общим языком раньше, чем мы успели по-настоящему надоесть друг другу: две родственные души, помешанные на вязкой рыжей глине, которая намертво забивается под ногти, ревущих моторах и разбитых коленных

чашечках. Мы совпали в самой больной точке. Оказалось, нам обоим жизненно необходим этот животный страх перед подъёмом и оглушающий пустота в животе на затяжном прыжке.

Мы учились доверять не в разговорах до утра, а когда он молча протягивал руку, вытаскивая меня из глубокой колеи, или глушил свой байк, чтобы услышать мой за два километра леса. Четыре года. Кажется, я начала забывать, как звучит его смех на кухне, но я с закрытыми глазами узнаю тембр его мотора, прорывающийся сквозь треск помех. Этот звук стал моим личным метрономом спокойствия. Если мотор работает ровно — значит, планета всё ещё вертится правильно.

Мы учились разговаривать заново не за столиками кафе, а перекрикивая визг дросселя. Наши первые серьёзные свидания пахли сладковатым выхлопом двухтактной смеси и разгорячённой резиной. Мы лечили одни и те же сбитые костяшки одним тюбиком «Спасателя», прямо у подножия трамплина, стирали рыжую грязь из-под ногтей одной жёсткой щёткой и засыпали в обнимку, пропахшие бензином и озоном. Четыре года. Кажется, я до сих пор отличаю его приближение по тому, как вибрирует земля под колёсами. Иногда, сидя в пустой квартире, я ловлю себя на том, что прислушиваюсь к проезжающим мимо окнам машинам, ища ту самую басовитую ноту его двигателя.

Когда он пришёл с новостью о контракте, мой мир сузился до размеров дверного глазка. Друг позвал, обещали штатную работу, хорошую должность. Деньги решают всё, да? Нам ведь нужны деньги на свадьбу. На ту самую жизнь, ради которой он уехал рисковать головой. А я... я учусь на учителя начальных классов, зубрю возрастную психологию после своих смен в строительном магазине. Продавать сухие смеси и ламинат уставшим мужикам — не предел мечтаний, но платят вовремя. Андрей злится, заставляет бросить, говорит, что сам вытянет все расходы, но мне там нравится. Я люблю работать, даже если времени нет ни на что. Совсем. Эта работа была моей иллюзией контроля. Пока дети клеят аппликации, пока родители расписываются в дневниках — война кажется чем-то далёким, телевизионным.

Трясущимися пальцами нахожу значок вызова. Гудки режут тишину квартиры. — Привет, мышонок. Что-то случилось? Голос плачет. — Приснилось, что ты уходишь, — слова рвутся наружу вместе со слезами. — Говоришь, что не вернёшься. Там была зелёная трава и ослепительный свет. Я кричу тебе вслед, а тело не слушается... — Так, дыши, — его голос становится жёстким, командным. — Вдох носом, выдох ртом. Вот так. Никто никуда не уходит, Вик. Это просто стресс. У тебя защита курсовой на носу, работа, эта дурацкая подготовка к свадьбе, где моя мама хочет пригласить всех троюродных тёток. Кстати, она звонила сегодня. Спрашивала, купили ли мы кольца. Я чуть не послал её, честно. Сказал, что сначала доживём до зарплаты.

Мозг перегружен. Я же обещал — приеду на выкуп невесты, лично отведу тебя под венец. Всё, отставить панику. У нас ещё свадьба с тобой, хах. — Ладно, уговорил, — выдыхаю я, хотя знаю, что соврала. Буду накручивать. Каждую ночь. — Больше не буду накручивать. Только будь осторожен, ладно? — Сплю на соседней койке с Димоном. Тут безопаснее, чем у вас во дворе гопота гуляет. Спи, родная. Люблю.

Спать я уже не могу. Сердце только-только перестало колотиться о рёбра, и если сейчас снова лечь, в голову полезут тени из кошмара. Они будут шептать из углов, скрестись когтями в закрытую дверь балкона. Сон — это роскошь, которую я себе больше не позволяю. Каждая минута бодрствования — это минус одна минута ожидания звонка.

Надо дальше готовиться к завтрашнему уроку. И гулять с собакой.

Мы завели её буквально недавно, ей всего год — огромный, нескладный щенок-подросток, породы бультерьер по имени Тея. Двадцать пять килограммов чистого счастья и разрушительной энергии. Это была самая лучшая покупка в нашей жизни. Стоила она, конечно, космических денег — но теперь эта бандитка носится по квартире пушечным ядром, грызёт

ножки старого кухонного стола и оставляет после себя хаос, который раньше мне казался концом света.

Андрей долго упрашивал щенка у родителей еще когда мы были детьми. Он тогда бредил именно бультерьером. Говорил, что хочет серьезную собаку, чтобы ходить с ней по району и выглядеть внушительно — мол, его будут бояться все местные хулиганы.

Родители тогда категорически отказали. Завели какого-то крошечного пинчера, который трясся от каждого шороха. Мама говорила, что собака, которую хочет Андрей, опасна для общества, «бойцовская порода», посмотрелся телевизора.

Но вот когда он вырос, встал на ноги и начал нормально зарабатывать, первым делом исполнил детскую мечу. Оказалось, что это не злая машина для убийств, как показывают в интернете. Это максимально упрямый, наглый, но невероятно ласковый пес размером с небольшую тумбу. Назвали Тея.

Она белая, как чистый лист бумаги, только уши черные, бархатные. И характер соответствующий: если Тея решила, что спит здесь, она ляжет так, как удобно ей. На кровать ложится исключительно поперек кровати. Еще одно важное правило нашей стаи: попа обязательно должна быть ближе к моему лицу. Она кладет голову мне на подушку, а свой пушистый зад закидывает прямо мне в лицо, считая, что это идеальное положение для сна.

Без неё я давно бы сошла с ума. Она ест мои тапки, ворует грязные тряпки из ведра, но именно её громкое сопение под дверью ванной возвращает меня из состояния замороженной статуи обратно в реальность.

Справляюсь ли я одна? А куда мне деваться. Будто выбор есть. Поначалу было до одури страшно оставаться в пустой квартире по ночам, прислушиваясь к лифту, но теперь у меня есть персональная система безопасности весом в четверть центнера, которая храпит под дверью ванной так, что трясётся кафель. Она спасает меня от тишины лучше любых успокоительных. Хотя какие успокоительные... Врач выписал мне валерьянку, но глядя на дозировку, я поняла, что слона ею не усыпить, не то что нервную невесту военного. Поэтому я просто завариваю литры самого крепкого чёрного чая, который обжигает язык, и жую кофейные зёрна из банки на верхней полке.

Сегодня ночью приснился тот самый сон. Газон. Свет. Его уход. Обычно сны тускнеют к завтраку, оставляя лишь фантому тревогу. Но этот держится. Он въелся под кожу горьким вкусом полыни. Я смотрю на экран телефона. Последнее сообщение прочитано им сорок минут назад.

Глава 2

Вика

Сегодня будет тяжелый день. С утра — в школу на практику. Моя первая самостоятельная попытка взять «живой» класс, второй «Б». Тридцать маленьких чудовищ, которые чувствуют страх молодого специалиста за версту. Нужно провести урок математики, а потом еще писать отчет для куратора из университета. Я учусь на учителя начальных классов, и бумажек вокруг этого процесса летает больше, чем детских рисунков на моем холодильнике.

Сразу после пар — даже не заезжаю домой, чтобы сбросить осточертевшую блузку и колготки со стрелками, переодеться во что-то человеческое. Прямиком в магазин.

Там ревизия. Мы ждем ее как судный день: воздух в подсобке густеет от запаха пыли, дешевого растворимого кофе и всеобщего тихого напряжения. Любая мелочь бьет по карману всей смены. То лоток кровельных саморезов спишется дважды из-за сбоя в базе, то кто-то из сонных грузчиков забудет отметить выгрузку стального троса, и он зависнет мертвым остатком на складе. Недостача потом ложится ровным слоем на нашу и без того тонкую премию.

Директор у нас — обычная женщина, добрая и понимающая, но муж у нее Александр придирается ко всему. На кассах так же работает моя сменщица Таня — девушка с черным юмором и железной выдержкой. С ней очень интересно работать, мы понимаем друг друга без слов, просто переглядываясь над горой накладных. Тем более сегодня нас намертво поставили в одну смену: нужно вдвоем пасти новенького стажера, который пока путает гаечный ключ на десять с двенадцатым и смотрит на стеллажи с метизами глазами потерявшегося щенка.

Я встаю, разминая затекшую шею. Тея слышит скрип паркета, поднимает лобастую башку, стучается ею о ножку кровати и тут же начинает молотить хвостом по полу так, будто собирается взлететь. — Тише ты, соседей перебудишь, — шепчу я, нашаривая ногами тапки.

Она подбегает, кладет свою тяжелую морду мне на колени, пока я пытаюсь зашнуровать кроссовки, и дышит в лицо теплым запахом печенья и пыли. — Пойдем, горе мое. Спасать мир начнем с твоего мочевого пузыря.

Я выработала привычку уже каждые тридцать минут смотреть в телефон. Это происходит на автомате, без участия мозга: рука сама тянется к карману, большой палец сам сдвигает экран блокировки. «Вдруг написал».

Я не хочу пропускать момент. Не хочу пропустить то самое сообщение посреди рабочего дня. Мне жизненно необходимо увидеть эти две синие галочки и его «Привет», написанное тем самым сухим тоном.

Мне нужно рассказать ему всё. Буквально каждую мелочь. Как Тея сегодня утром пыталась зарыть косточку под подушку в кровати и чуть не упала с дивана. Как она впервые принесла мячик по команде «Апорт», а потом гордо ушла в другой угол грызть его в одиночестве. Я хочу спросить, кушал ли он сегодня. Нормальную еду, а не эту свою перловку из банки. Надел ли шапку — там же минус десять передают, а он вечно ходит нараспашку, пока уши не начнут отваливаться.

Это превратилось в какой-то нервный тик. Если пауза между проверками затягивается дольше чем на час, внутри начинает нарастать тихая паника. Я обрываю саму себя. Нельзя. Он обещал писать, как только будет возможность. И он напишет. Нужно просто подождать. Дышать. Ждать.

На улице предрассветный холод пробирается под куртку. Тея тянет поводок со всей дури своих двадцати пяти килограмм, пытаюсь познакомиться с каждым фонарным столбом. Мне бы ее энергию. У меня впереди тридцать второклашек, орфографический диктант и вероятность платить чужие долги за украденные саморезы. Но ледяной воздух немного прочищает голову,

вымывая остатки липкого сна. Остается только усталость и четкий план действий: школа, магазин, ужин, тетрадки. До следующего сообщения от Андрея осталось восемь часов. Дожить бы.

Тея тянет поводок так, что хрустит плечевой сустав. Двадцать пять килограммов упрямства и любопытства несутся к мусорным бакам во дворе — там явно пахнет чужими жизнями. Я едва успеваю перебирать ногами в старых кроссовках, пытаюсь не поскользнуться на подмерзшей октябрьской луже.

— Тея, стоять! Фу! Это нельзя есть, это кто-то умер еще до нашего рождения!

Она фыркает, разочарованно выпуская из пасти чей-то старый ботинок, и поднимает на меня свои умнейшие, абсолютно шкодливые глаза. Обычный подросток, которому скучно.

Мы делаем круг по району. Когда возвращаемся домой, небо только начинает сереть, заливая нашу маленькую спальню тем самым призрачным светом из моего кошмара. Только теперь здесь нет никакого Андрея. Есть только я, пес и гора неглаженного белья на сушилке.

Пока Тея с грохотом лакает воду на кухне, я стою под контрастным душем. Горячий, ледяной, горячий. Нужно смыть с себя липкую паутину сна и остатки слез. На лицо — патчи из холодильника, которые Андрей привез мне из города перед отъездом со словами: «Викусь, а то выглядишь как наша бухгалтерша после годового отчета». Смотрю на свое отражение. Патчи съезжают вниз от влажности. Выгляжу я именно как она.

На автомате готовлю завтрак нам обоим. Ей — миска корма премиум-класса, который стоит дороже моей недельной продуктовой корзины. Себе — растворимый кофе, щедро заливший кипятком прямо в кружку с надписью «Самая лучшая училка». Кофе получается омерзительным, но мозги он будит.

Надеваю свою единственную приличную белую блузку. Утюг плюется накипью, оставляя темные капли на воротнике. Времени стирать уже нет. Пытаюсь замаскировать их шарфиком.

Тея сидит в коридоре, склонив голову набок, и внимательно следит за моими сборами. Как только я беру сумку, он срывается с места. Начинается ритуал: прыжки, попытки поставить лапы мне на плечи, жалобное скуление.

— Нет, котенок. Сегодня без тебя. Я присаживаюсь на корточки, обхватываю тяжелую морду ладонями. — У мамы сегодня тяжелый день, понимаешь? Мне нужно быть строгой тетей Викой для детей и очень внимательной тетей Викторией для ревизоров. А если ты пойдешь со мной, мы вместо математики будем учить команду «сидеть», а вместо сверки накладных — вытаскивать тебя из-под полок с ламинатом. Мама скоро вернется. Принесет тебе вкусняшку.

Чтобы закрепить обещание, достаю из кармана куртки говяжье ухо — неприкосновенный запас. Она хватает его и уходит в комнату обижаться на жесткую кровать, демонстративно игнорируя свой дорогой лежак.

Дорога до школы занимает немного времени я выбрала школу максимально рядом с домом. Практика проходит в небольшом кабинете. За учительским столом сидит моя куратор — Маргарита Степановна, женщина с начесом цвета баклажан и взглядом рентгена. Она молча указывает мне подбородком на стол. Перед ней лежит раскрытый журнал.

— Виктория Алексеевна, — начинает она скрипучим голосом, пока я пытаюсь незаметно промокнуть салфеткой мазутное пятно на рукаве — Ваш конспект урока про состав числа двенадцати... креативен. Но где дидактический материал? Где карточки для индивидуальной работы? И почему вы пришли в таком виде? Вы выглядите так, будто всю ночь вагоны разгружали, а не будущее страны воспитывали.

Я проглатываю ком в горле. Вагоны не разгружала, но двадцать пять килограмм живого веса по грязи таскала — тоже неплохая силовая тренировка. — Маргарита Степановна, карточки распечатать не успела, принтер в копировальном центре... — Неудача — это ваш личный крест, деточка, — отрезает она. — Садитесь. Будете ассистировать. Посмотрим, сможете ли вы хотя бы дисциплину удержать.

Первый урок проходит в тумане. Тридцать пар глаз смотрят на меня оценивающе. Кто-то пускает бумажные самолетики, кто-то плачет потому, что забыл сменку. Я механически объясняю им про единицы и десятки, слежу за секундной стрелкой и думаю только об одном: пережить эти сорок пять минут, добежать до остановки и успеть в магазин к одиннадцати. Ревизия назначена на половину двенадцатого. Если директор придет раньше, застанет бардак.

Последний звонок спасает меня. Дети с визгом срываются с мест. Маргарита Степановна кривит губы: — Ну, троечка с минусом. По поведению — двойка. Идите, Виктория. Переоденьтесь. Судя по пятну на вашем локте, вас пытался сожрать дикий зверь. Надеюсь, в магазине ваши навыки выживания пригодятся больше.

Я вылетаю из школы пулей. Автобус, слава богу, приходит сразу. Втиснувшись в угол на задней площадке, я достаю телефон. Экран пуст. Ни сообщений, ни пропущенных. Разница во времени небольшая, но там сейчас раннее утро. Может, спит. Или на построении. Или просто некогда.

От этой тишины внутри снова начинает разрастаться холодная черная дыра из сна. «Я не приду больше». Я трясую головой, больно прикусывая щеку изнутри. Хватит. Накручивать нельзя. Выборов нет.

Магазин встречает меня плотным запахом сырого дерева, оплавленного дешевого пластика и сухого озона от старых люминесцентных ламп. Свет под потолком гудит на низкой, раздражающей ноте.

Наш директор Настя уже стоит возле термопринтер — плечи сведены, губы сжаты в тонкую линию, наверняка печатает бесконечные бланки инвентаризационной описи. Рядом суетится Таня, бледная как стенка подсобки. Она виновато прячет взгляд, комкая в пальцах пустую накладную. Она ненавидит, когда Настя начинает язвить перед пересчетом.

Я молча скидываю рюкзак прямо на коробки с кафелем, рву с плечиков в служебном шкафу выданную три года назад фирменную жилетку. Дешевая синтетика трещит на груди, натягиваясь на ткань учительской блузки, но пуговицы все же выдерживают. Резинка для волос больно впивается в пальцы, пока я затягиваю их в максимально тугой, зализанный хвост — ничего не должно падать на глаза, когда придется лезть на верхние ярусы.

— Давайте считать, — мой голос звучит ровно, перекрывая гул ламп. Я забираю из дрожащих Таниных рук планшет. — Начнем с дальних стеллажей, пойдем рядами, чтобы не двоиться. И вызовите грузчика Саню через рацию. Он вчера принимал последнюю машину, пусть вспомнит, куда поставил паллеты со смесями мимо маркера. Я пока открою таблицу возвратов за прошлый четверг. Там была жуткая пересортица с краской — могли просто вбить не тот артикул при списании.

Мы идем в гулкую темноту склада. Автоматический датчик движения ловит наше появление, и под потолком с задержкой в полсекунды вспыхивает мертвенно-белый свет, выхватывая из мрака штабеля гипсокартон. Холод бетона мгновенно обжигает подошвы тонких кожаных туфель, в которых я утром вела лекции.

Спустя двенадцать часов непрерывного стояния на этом бетоне, когда база сошлась только после третьей пересортировки, я буквально вваливаюсь в прихожую, не чувствуя ног. Ключ проворачивается в замке со второго раза — пальцы мелко дрожат от усталости. Спина гудит тупой, ноющей болью где-то между лопаток, плечи свело так, что трудно сделать полный вдох.

Меня очень активно встречает Тея — она слышит щелчок замка еще на лестничной площадке. Двадцать пять килограммов безудержной радости врезаются мне в колени едва ли не раньше, чем я успеваю закрыть за собой дверь. Удар выбивает воздух из легких, но сил устоять хватает — лишь бы не придавить ее к обуви. Мокрый нос настойчиво тычется в ладонь, требуя внимания, а хвост работает как промышленный вентилятор, сметая пыль с тумбочки и оставляя влажные следы на моих брюках.

— Привет, моя хорошая, я тоже скучала, — шепчу я, зарываясь лицом в густую, чуть колючую шерсть на шее и вдыхая полной грудью. От нее пахнет уличной пылью, нагретым на солнце деревом вольера и нашим домом.

Я с трудом разжимаю затекшие пальцы и отстегиваю карабин поводка. Тея тут же срысывается с места, цокая когтями по ламинату, и летит к миске — проверять, не появилось ли там за время ее отсутствия чего-то поинтереснее сухого корма.

Я скидываю ненавистные туфли на каблуках прямо посреди коридора. Ноги отекли так, что ремешки оставили глубокие багровые борозды на распухших щиколотках; под ними кожа мертвенно-белая, а сами ступни кажутся чужими, отлитыми из воска. Хочется упасть прямо здесь, между разбросанными ботинками и мокрым собачьим носом, свернуться клубком на пыльном коврике и проспять следующие сутки без сновидений.

Но телефон в заднем кармане джинсов вибрирует, обжигая бедро сквозь тонкую ткань. Резкий, пульсирующий сигнал тревоги — точно такой же, как гудение люминесцентных ламп на складе перед тем, как всё пошло не по плану. Я медленно тянусь к карману. На экране горит «Любимый». Руки снова начинают дрожать, но теперь уже от чистого, животного облегчения. Я хватаю трубку, прижимая ее к уху так сильно, будто боюсь, что сигнал исчезнет. — Алло! Привет... Что делаете? — Вышли подышать перед отбоем, — его голос звучит непривычно тихо, фоновый шум улицы почти полностью съеден какой-то военной связью. Остается только сухой треск и его дыхание. — Викусь, слушай меня внимательно.

Тревожность, которая держала меня за горло весь день ледяной рукой, отступает ровно на один удар сердца. Чтобы тут же вернуться с новой силой. — Вообще, я завтра уйду на задание, — говорит он ровным, командирским тоном, без которого я сейчас бы просто расплакалась. — Связи не будет неделю. Старлинги отключили, там ни у кого нет сети, вышки разбиты. Обещали провести скоро, но это «скоро» военным языком измеряется месяцами. Если что-то экстренное — тебе будет отписываться мой командир, Саня. Я дал ему твой номер. Так что не скучай. Записывай мне кружочки, буду смотреть, когда вернусь.

Он делает паузу, переводя дыхание. Я слышу, как где-то рядом фыркает машина и скрипит гравий под тяжелыми берцами. — Сегодня ночью мы выдвигаемся.

Земля уходит из-под ног. Буквально. Я облакачиваюсь плечом о стену в коридоре, чтобы не сползти по ней на пол. Какое выдвижение? Куда? Где обещанный штаб? Теплое место с кофемашиной, рацией и графиком дежурств, куда я мысленно пересылала его каждое утро, пока сама мерзла на складе стройматериалов? Ночь. Лес или поле. Группа людей, которые уходят в неизвестность, откуда связь выдернута с корнем. — Андрюш... — голос сипит. — А... насколько серьезное? — Вика, — он смягчается, и в этой мягкости больше страха, чем во всех моих истериках. — Нормальное задание. Мы готовы. Все будет хорошо. Мне пора, построение через три минуты. Люблю тебя. Береги себя и собаку. — Подожди! — кричу я в пустоту, но короткие гудки уже бьют по барабанным перепонкам.

Тея подходит и кладет свою огромную голову мне на колено, заглядывая в глаза. Она чувствует мое состояние лучше любого психолога. Ее уши прижимаются назад, а хвост перестает вилять.

Ладно. Соберись. Сцепить зубы. Слезы и истерики ничем не помогут. Они не вытащат его из леса, не починят эти чертовы старлинги и не отменят приказ. Истерика нужна была тогда, когда он подписывал контракт. Сейчас нужен холодный рассудок. У меня есть алгоритм выживания на эту неделю, спасибо педпрактике: Дышать. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть. Не звонить командиру каждые полчаса. Он там жизнью рискует, а не работает службой психологической поддержки для жен. Написать девчонкам в универ, предупредить, что могу выпасть из жизни. Купить запасной мешок корма. И успокоительного себе. Записать этот дурацкий кружочек. Показать ему, что дома все стабильно. Что я жду.

Я опускаюсь на корточки, обнимаю Тею за мощную шею и глубоко вдыхаю запах ее шерсти. — Ну что, подруга, остаемся за старших? — говорю я ей в вислое ухо. — Неделя тишины. Справимся?

Тея тяжело вздыхает в ответ и слизывает первую слезу, скатившуюся по моей щеке. На экране телефона открыт мессенджер. Я включаю камеру, пытаюсь улыбнуться, но получается кривой оскал загнанного зверя. Стереть. Еще раз. Включить. Сказать бодрым голосом: «Привет, родной! У нас тут дождь пошел, Тея впервые принесла мяч, а не сожрала его. Целую, люблю, возвращайся». Отправить. Пусть смотрит там, в своей темноте, зная, что здесь горит свет.

Глава 3

Вика

Сегодня у меня официальный выходной. Впервые за месяц на обеих работах — в школе отменили уроки из-за какой-то проверки пожарной сигнализации, а Александр сжалился и отпустил со склада без отработки.

Мы с нашим другом Даней собирались в церковь. Поставить свечку за Андрея. Я, конечно, не сказать чтобы сильно верующая — мой бог обычно выглядит как кнопка «Сохранить» в Excel-таблице ревизии или как удачно пойманный автобус по утрам. Но сейчас работает принцип «лучше перебздеть, чем недобздеть». Мама настояла заказать сорокоуст — специальную молитву, которая читается сорок дней подряд. Сама я в храм хожу редко, от случая к случаю, совсем не так часто, как моя мама. Та там почти ночует, кажется. Свечей она напокупала на годовую выручку местной лавки — всё тащит туда, ставит перед всеми иконами сразу. За Андрея переживает так, что свет белый ей не мил. Иронично: обычно ведь тёщи зятьёв недолюбливают, строят козни. А тут наоборот. Меня дома любят ровно вполовину меньше, чем его, но именно поэтому за него готовы продать душу кому угодно.

Я выхожу на улицу. Поздняя осень окончательно сожрала остатки тепла. Воздух колючий, пахнет мокрой гарью и гнилыми листьями. Ветер пробирается под легкую куртку, ноги в моих любимых сапогах-стаканах начинают стремительно терять чувствительность. Каблук предательски скользит по первой тонкой наледи на асфальте. До храма идти десять минут через дворы, где фонари горят через один.

Мы живем в небольшом жилом комплексе дома маленькие уютные все друг друга знают город тоже небольшой Пятдесят тысяч населения но зато недалеко от большого города всего час езды до центра тут живут мои родители и я решила поселиться рядышком но мы с Андреем мечтали перебраться по ближе к моей сестре Саше в город мы там жили когда то но пришлось обратно вернуться

Даня уже ждет у подъезда. Он переминается с ноги на ногу, пуская пар изо рта, и нервно тербит мочку уха — старая привычка, когда он хочет рассказать что-то важное, но боится испортить момент. — Привет, Викусь-минус, — улыбается он, забирая у меня руку, чтобы согреть ее в своих огромных ладонях. У нас еще со школы повелось: если Андрей — это Плюс (потому что всегда находил выход), то я — Минус (потому что вечно во что-то влипаю). — Ну что? Выходил твой партизан на связь? — Да, вчера созванивались, — горло снова перехватывает знакомым спазмом при упоминании вчерашнего разговора. — Он сегодня ушел на боевое задание. Недельку тишины. Улыбка сползает с Даниного лица. Он молча берет меня под локоть, разворачивая в сторону церкви. Мы идем медленно, обходя лужи, покрытые хрупким стеклом льда. — Переживаю жесть, — честно признаюсь я, глядя себе под ноги. Голос звучит глухо. — Там старлинги накрылись, связи вообще ноль. Сказал только, что командир будет писать, если что. Как в вакууме висишь. — Да ладно, брось ты киснуть, — Даня пытается бодриться, но получается плохо. Его обычная бравада трещит по швам. — Это же Андрюха. Не из такой жопы выбирался. Помнишь, как он на том эндуро в овраг улетел? Думали, позвоночник всмятку, а он встал, шлем об дерево разбил, матом покрыл всех медиков и пошел колесо менять. Или как мы на озере лед провалили весной? Он тебя на спине пер до самой трассы, сам синий, зуб на зуб не попадает, но даже не пикнул. Характер у него чугунный. Выдюжит. Главное, чтобы там командование адекватное было, а не бумажные герои.

Я киваю, хотя слова застревают комом. То, что Даня называет «жопой» — разбитый нос на гонках или промокшие кроссовки — это детский утренник по сравнению с тем, куда он ушел этой ночью. Там нет зрителей, которые аплодируют, когда ты встаешь после падения. Там просто пустота.

Мы сворачиваем в ворота небольшой церквушки. Внутри пахнет ладаном, плавленным воском и почему-то квашеной капустой — видимо, трапезная рядом. Тепло окутывает мгновенно, заставляя щеки загореться. Народу немного: пара бабушек в платочках, женщина с младенцем и мы.

Покупаю две самые толстые свечи. Одну отдаю Дане. — Тебе зачем? Ты ж некрещеный вроде, — удивляюсь я. — Да какая разница, — фыркает он, протягивая купюру церковной работнице. — Ставлю за пацана. Всевышний, он в личных делах разбираться не должен, ему главное, чтобы человек был хороший. А Андрюха — свой. Золотой стандарт.

Мы ставим свечи к распятию. Огоньки чуть подрагивают от сквозняка, гуляющего под высокими сводами. Даня неуклюже крестится — явно повторяя движения за мной, но делает это очень серьезно, закусив губу.

Я смотрю на трепещущее пламя и пытаюсь представить, где он сейчас. Сидит ли в тесном подвале, слушая гул генератора? Идет ли сквозь черноту леса, сливаясь с ней камуфляжем? Вспоминает ли обо мне хоть на секунду среди этого ада?

— Пойдем кофе пить? — тихо спрашивает Даня, когда мы выходим обратно на холод. — У меня в машине термос есть. С чабрецом. Мозг тебе сейчас грузить сплетнями нельзя, вижу же, что бледная вся. Просто посидим, воздухом подышим. Дома одной сидеть — с ума сойдешь. — Пошли, — соглашаюсь я, плотнее запахивая куртку. — Только давай мимо магазина проедем? Корм Тее заканчивается. Надо взять большой мешок. На неделю вперед. Чтобы больше не выходить. — Затаримся по полной, — кивает Даня, открывая передо мной дверь старой девятки. — Продержимся, Минус. Они оба выдюжат — и твой кабан лохматый, и твой кабан двухметровый.

Он заводит машину, и салон наполняется вибрацией старого мотора. Становится чуть теплее. По крайней мере, снаружи.

Неделя тишины прошла, как один бесконечный серый день. Я словно жила в густом желе: механически вставала, ела, ходила на работу, гладила Тею, заполняла отчеты, но внутри всё было заморожено.

Практика закончилась — слава богу, Маргарита Степановна подписала мне характеристику со скрипом зубовым, лишь бы я больше не появлялась в ее кабинете. Теперь я могу спокойно работать. Начальница Настя вернулась из отпуска загорелая и умиротворенная, а значит, настали спокойные времена: теперь она будет пить капучино у себя в кабинете под турецкие сериалы, а не стоять над душой с ревизионной описью.

Мы с моей коллегой Таней решили сегодня устроить глобальную чистку на складе. Товар терялся неделями — коробки с фурнитурой мистическим образом проваливались за паллеты с утеплителем, превращаясь в «недостачу». Мы вытащили всё к центральному проходу, вооружились маркерами и начали рисовать нормальную схему хранения. Нужно еще обязательно поймать Настю до конца смены и обсудить нового поставщика саморезов — старый начал возить откровенный брак, который крошится в руках, а Александр этого пока не заметил.

Я села за конторку заполнять отчет по утренней выручке, когда внутренний карман фартука завибрировал так сильно, что чуть не сбросил ручку со стола. Номер скрыт, просто надпись «Любимый». Сердце пропустило удар, а потом рухнуло куда-то в желудок. Неделя. Прошла ровно неделя. Обычно он звонит строго по графику или через командира. Почему сейчас?

— Тань, я отойду! — крикнула я, вскакивая. Коллега только махнула рукой, даже не обернувшись — она пыталась достать шваброй закатившийся под стеллаж рулон рубероида. На работе меня понимают все. Все знают Андрея он тут как бесплатный грузчик на чашку кофе помогал разгребти тяжелые коробки с крепежной Девчонки знают этот взгляд — стеклянный, направленный внутрь себя — и спокойно отпускают.

Я вылетаю на холодную улицу, прижимая телефон к уху так, будто его могут отобрать. — Алло! — Привет, любимая. Что делаешь? — Его голос звучит непривычно бодро, но дыхание

тяжелое, прерывистое, с каким-то металлическим лязгом на фоне. — На работе. Работу работаю, — отвечаю я, чувствуя, как ледяной комок в груди начинает стремительно таять, уступая место горячему облегчению. Голос дрожит от улыбки. — Понятно. А я связь нашел, — он усмехается. — Мы тут марш-бросок устроили. Одиннадцать километров уже прошли, осталось еще пять. Скоро дойдем и будем отдыхать на новой позиции.

Одиннадцать километров. В полной выкладке. По пересеченке. Пока я жаловалась Тане на то, что спина болит от перекладывания коробок.

— По дороге скинули всё лишнее, идти тяжело, — продолжает он буднично, словно рассказывает о походе в магазин. — Бронежилеты пустые оставили, несколько плит всего. Тут только дроны летают, птички эти... Но мы от них умело прячемся, Вкус. Так что не волнуйся, всё хорошо. Когда будет следующая связь — вообще не знаю, покрытие рвется. Но командир Саня будет всё докладывать, я ему твой номер продублировал. Всё, я побежал, батарея садится. Позвоню маме еще раз, если ответит. Передай всем, что со мной всё хорошо. И поцелуй в нос Тею от меня. Всё, пока-пока. — Подожди! — кричу я, но в динамике уже звучат короткие гудки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.